

ЕСЕНИНСКОЕ В «ДОКТОРЕ ЖИВАГО»

(заметка к теме)

...И дышат почва и судьба.

В заметке идет речь о Сергее Есенине как об одном из прототипов Юрия Андреевича Живаго.

Ключевые слова: Пастернак; Есенин; Маяковский; почвенность.

16 марта 1947 г. Борис Леонидович Пастернак рассказывал о своем главном произведении в письме к Зельме Федоровне Руофф: «Я пишу сейчас большой роман в прозе о человеке, который составляет некоторую равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским и Есениным, может быть)»¹.

В отличие от имен Блока, Маяковского² и самого Пастернака имя Есенина в этом списке может изрядно удивить даже и внимательного читателя романа «Доктор Живаго». Казалось бы, что́ может быть общего между Юрием Андреевичем и Сергеем Александровичем?

Тем не менее, уже зачин восьмой главки первой части «Доктора Живаго» ясно показывает, что пастернаковское сравнение героя романа с Есениным не случайно. Эта главка, напомним, начинается с мысленной реплики тринадцатилетнего Ники Дудорова о юном Юрии Живаго: «“Опять это лампадное масло!” – злобно подумал Ника и заметался по комнате»³.

Как представляется, эта характеристика восходит к ироническому суждению одного прототипа «Доктора Живаго» о другом. Мы подразумеваем следующий мемуарный фрагмент широко известной статьи Владимира Маяковского «Как делать стихи?» 1926 г. (курсив в цитате мой. – О.Л.):

«В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками <...> Как человек, уже в свое время относивший и оставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежды:

– Это что же, для рекламы?

Есенин *отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло.*

Что-то вроде:

– Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной...»⁴.

Возникает очень интересная ситуация: один герой-двойник судит о втором, используя характеристику, которую один прототип Живаго дал другому.

Возвращаясь к вопросу: в чем *общность* между Сергеем Есениным и Юрием Живаго, приведем еще одну цитату, на этот раз, из письма Пастернака к Марине Цветаевой от 4 января 1926 г. Размышляя о самоубийстве Есенина, Пастернак, с обычной для него долей самоуничужения, сравнивал себя с покойным поэтом: «Там кусок горящей жизни, бездонная почвенность, популярность, признанность всеми редакциями и издательствами и пр., здесь – мирное прозябанье, готовое расписаться в своей посредственности, постоянная спорность, узкий круг, другие, несравнимые загадки и задачи, конфузящая обстановка отказов и двусмысленностей»⁵.

Легко заметить, что «живаговское» в этих двух характеристиках распределено почти поровну: «мирное прозябанье», «узкий круг», «постоянная спорность», «конфузящая обстановка отказов и двусмысленностей» – все это в судьбе Юрия Живаго было взято от Пастернака. Но Юрий Андреевич, как мы помним, отнюдь не был готов «расписаться в своей посредственности», его биография складывалась именно что из «кусков горящей жизни». Главное же «есенинское» свойство, которое Пастернак подарил своему герою – это как раз «бездонная почвенность», заложенная в лично-

сти Живаго, его органическая связь с русскими людьми и с русской землей. Та самая, которая казалась Маяковскому ловким рекламным трюком Есенина.

«— Я увижу тебя, красота моя писаная, княгиня моя, рябинушка, родная кровинушка»⁶. Это сомнамбулическое бормотание героя романа «Доктор Живаго» восходит к тем же истокам, что и строки лучших есенинских стихотворений.

¹ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. IX. М., 2005. С. 492.

Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenij s prilozhenijami: v 11 t. T. IX. M., 2005. S. 492.

² О Маяковском как прототипе доктора Живаго сказано уже очень много, но тема далека от исчерпания. Ср., например, страстное желание главного героя романа Пастернака написать большую прозу с попытками Маяковского второй половины 1920-х гг. перейти со стихов на прозу. Подробнее об этих попытках см., например, в комментарии к изданию: *Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 558–559.*

О Маяковском как прототипе доктора Живаго сказано уже очень много, но тема далека от исчерпания. Ср., например, страстное желание главного героя романа Пастернака написать большую прозу с попытками Маяковского второй половины 1920-х гг. перейти со стихов на прозу. Подробнее об этих попытках см., например, в комментарии к изданию: *Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 558–559.*

³ Пастернак Б.Л. Указ. соч. Т. IV. М., 2004. С. 19.

Pasternak B.L. Ukaz. soch. T. IV. M., 2004. S. 19.

⁴ *Маяковский В.В. Как делать стихи? // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. С. 93–94. Первая публикация – в 1926 г.*

Маяковский В.В. Как делат' stihij? // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12. С. 93–94. Pervaja publikacija – v 1926 g.

⁵ Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть. Письма 1922 – 1936 годов. М., 2004. С. 130.

Cvetaeva M., Pasternak B. Dushi nachinajut videt'. Pis'ma 1922 – 1936 godov. M., 2004. S. 130.

⁶ Пастернак Б.Л. Указ. соч. Т. IV. С. 372.

Pasternak B.L. Ukaz. soch. T. IV. S. 372.